

8. *Fiske, S. T.* Social Beings: Core Motives in Social Psychology. NY : John Wiley & Sons. – 2009.
9. *Hollinger, R.* Theft By Employees. Lexington : Lexington Books, 1983.
10. *Michael, G.* A General Theory of Crime. Palo Alto : Stanford University Press, 1990.
11. *Thoms, P.* The Relationship between Immediate Turnover and Employee Theft in the Restaurant Industry // Journal of Business and Psychology. – 2001. – №15. – P. 561–577.

«ПОДВАЛЫ» НИЦШЕВСКОЙ ФИЛОСОФИИ: РОЛЬ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МЫСЛИ Ф. НИЦШЕ

М. В. Ровбо

Тема «Ницше – естествознание» может быть раскрыта на двух «уровнях». На видимом уровне Ф. Ницше в буквальном смысле слова разыгрывает для читателя определенную театральную постановку, где ученые выступают в качестве, как правило, отрицательных персонажей. То же, что на подмостки не попадает, кажется более интересным: речь идет о том, что не всегда артикулировалось самим мыслителем, но подспудно оказывало влияние на формирование его идей. Итак, целью нашей статьи является ответ на вопрос: какие естественнонаучные идеи могли быть значимыми для мысли Ницше, идеи, которые бы он использовал, а не «разыгрывал»?

Указателем к ответу на выше поставленный вопрос для нас послужит оценка Ницше самого феномена естествознания в контексте духовного образа Европы. В данном случае естествознание понимается в широком смысле слова как исследование природы с целью получения достоверного, «позитивного» о ней знания при одновременной претензии выработать здоровое, «без воздушных замков» мировоззрение.

Деятельность ученых, как полагает Ф. Ницше, руководима идущим от Сократа убеждением в том, что мир познается и что познание в состоянии обеспечить также и этический идеал. Стремление к получению позитивного знания, подогреваемое привлекательностью рассудочной простоты, рассматривается немецким мыслителем как нигилистическая реакция – попытка ученых «отыграться» после длительного пребывания на второстепенных ролях. Это восстание раба, после которого он становится чрезмерно заносчивым, хотя по-прежнему не способным к выполнению более сложных задач. В ницшевской саркастической характеристике ученого упоминаются: узкая специализация, посредственность, «дальтонизм» (видеть только в рамках дихотомии «полезное – бесполезное»).

Такая нелестная оценка свидетельствует об отсутствии у Ф. Ницше намерения записаться в приверженцы позитивных наук, хотя вроде бы

на определенном этапе своего творчества философ, разочаровавшись в облачных порывах романтизма, активно осваивает идеи О. Конта, Дж. Милля, Г. Спенсера, Ч. Дарвина и др. А чуть позже он будет пытаться найти научные доказательства «вечного возвращения» в трудах Ф. Ланге и Е. Дюринга, как бы нуждаясь в одобрении своего откровения разумом [1, с. 463]. Тем не менее, как замечает К. Свасьян, воспринимать Ф. Ницше в одном ряду с Контом, Спенсером, Дюрингом и т. д. значило бы разрушить сам этот ряд, который, впрочем, выступал бы как реквизит масок, а вовсе не как мировоззренческое кредо [2, с. 792]. Научный способ мышления несет на себе отпечаток совершенно чуждого базельскому профессору демократизма: ученый приписывает миру единообразие, подводит под общий знаменатель то, что не равноценно. В то время как Ф. Ницше, по замечанию Ж. Делёза, исходит из принципа различия, имманентно присущей универсуму асимметричности «активное – реактивное» [3, с. 104–108].

Указанное расхождение позволяет исключить возможность непосредственного влияния на Ницше некоторых естественнонаучных идей, в приверженности к которым он не раз обвинялся. Речь идет в первую очередь о дарвинизме или даже о социал-дарвинизме: идеи борьбы за существование и естественного отбора казались созвучными ницшевскому делению на господ и рабов, сентенциям в духе «падающее – подтолкни» [4, с. 151]. Однако наделяя безусловным значением приспособление, дарвинисты игнорируют созидательные, самозаконные силы, принципиальные для Ницше. Так, он пишет (в параграфе под названием «Анти-Дарвин»), что жизнь есть «не нужда, не голод, а, напротив, богатство, изобилие, даже абсурдная расточительность» [5, с. 601]. А если и есть борьба за существование (в рамках социальных отношений), то только как роковое исключение, когда слабые начинают подавлять сильных своим количеством, своей изворотливостью. Примечательно, что отыскивая корни дарвинизма, Ницше ссылается на неблагоприятную обстановку Англии, мол, натуралиста навели на мысль об отборе «удушливая атмосфера английского перенаселения», «запах нужды и тесноты» [6, с. 671].

Кроме таких, негативных, истоков мысли Ницше – идей, в оппозиции к которым он прояснял собственную позицию, – были и позитивные. Так, внимания заслуживает один исследователь, безусловно высоко оцененный Ницше и не подвергнутый критике даже во время «переоценки ценностей», – речь идет о хорватском ученом-физике Руджере Бошковиче (1711–1787). С работой Р. Бошковича «Теория натуральной философии» (1759 г.) мыслитель знакомится в молодые годы, о чем свидетельствуют его письма другу П. Гасту.

Р. Бошкович, в свое время исследуя труды Г. Лейбница, замечает сложность соотнесения метафизических монад и физического чувственного мира, однако сам не спешит трактовать единицы бытия просто как частицы вещества. Первичной реальностью, по Р. Бошковичу, являются центры сил (их он называет атомами), отделенные друг от друга определенными промежутками. Сила всегда должна быть во взаимодействии с другой силой и действовать в противоположном ей направлении [7, р. 173].

Зарубежные исследователи (А. Pagidas, G. Whitlock, P. Poellner, Keith-Ansell Pearson, K. Schlechta, A. Anders) полагают, что концепция Бошковича и вдохновляет Ф. Ницше на построение онтологии власти [8], при том что немецкий мыслитель скептически относится к тому, чтобы толковать центры сил в качестве атомов. Существо власти в понимании Ф. Ницше составляет взаимоотношение, взаимодействие противонаправленных сил, одна из которых подчиняет себе другую. Подчиняет в том смысле, что подчиненное определяется через подчиняющее, а подчиняющее – через себя самое, создавая собственную систему координат. Это – базовая схема, которая впоследствии обретет свое наполнение в образах трагического и сократического, господина и раба, сверхчеловека и высшего человека.

Итак, Ф. Ницше безусловно был не безразличен к естествознанию. Он обращался к идеям натурфилософии и позитивизма, хотя и весьма избирательно. При этом некоторые идеи он мог заимствовать с определенной долей трансформации или же вступать с ними в конфронтацию, но не для их доказательного опровержения, а для оценки той роли, которую они могли сыграть в европейской болезни – нигилизме.

Литература

1. Шестов Л. Н. Афины и Иерусалим // Собр. соч.: в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 317–664.
2. Свасьян К. Примечания к «Человеческому, слишком человеческому» // Собр. соч.: в 2 т. М., 1996. С. 788–798.
3. Делёз Ж. Ницше и философия / Пер. с франц. О. Хомы; Под ред. Б. Скуратова. М., 2003.
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Собр. соч.: в 2 т. М., 1996. Т.2. С. 5–237.
5. Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом // Собр. соч.: в 2 т. М., 1996. Т.2. С. 556–630.
6. Ницше Ф. Веселая наука // Собр. соч.: в 2 т. М., 1996. Т.1. С. 491–719.
7. Jammer M. Dynamism: Leibniz, Boscovich, Kant, Spencer // Concepts of Force. Cambridge, 1957. P. 158–187.
8. Pagidas A. Nietzsche on Force and Matter // Academia [Electronic resource]. Mode of access: http://www.academia.edu/372108/Nietzsche_on_Force_and_Matter.